

О братьях Рожецкиных

Илья Эренбург в начале 1943 года задумал издание трех книг — "Черной" (об уничтожении евреев Советского Союза фашистами в годы Великой Отечественной войны), "Красной" (о евреях — ее героях) и третьей — о евреях — участниках партизанского движения.

Одна из глав "Черной книги" — "Одесса". Ее автор Вера Инбер. Глава писалась "по материалам и показаниям одесситов".

"...Березовка, Акмечетка, Богдановка, Доманёвка... Эти имена нельзя произносить спокойно. Каждое из них связано с убийством, мучительством, пытками. Здесь были лагеря смерти. Здесь пытали, разрывали на части, заживо сжигали людей, обезумевших от страданий, ужаса... из сотен тысяч выжили всего несколько десятков. От них мы и узнали подробности звериной расправы". Так писала Вера Инбер.

Ко мне обратился режиссер телестудии Виктор Топчий с просьбой рассказать в альманахе о судьбе своего близкого друга, которому довелось пройти Доманевку и выжить. Это Анатолий Самуилович (в миру — Самойлович) Рожецкин (в миру же — Рожецкий; признаюсь, неловко делать подобные уточнения, ибо на первый взгляд это напоминает пресловутое "вскрытие" псевдонимов в годы "борьбы с космополитизмом", делаю же уточнения только для того, чтобы читатель не упрекнул меня в неточностях, обратившись к Книге).

Признаюсь, сперва я предложил рассказать об Анатолии и его родных самому Виктору Александровичу, но он решительно отказался, ссылаясь на то, что у него "другая профессия" и что он просто "не может это сделать". Наверное, мой собеседник прав лишь отчасти — ему сложно говорить о том, что было так близко.

Мы долго беседовали. Я проникся судьбами тех, кого не знал, И мне тоже захотелось, чтобы как можно больше людей узнали о них...

Анатолий не дожил до семидесятилетнего юбилея пять лет: он родился 4 июня 1935 года, а ушел из жизни на рубеже столетий, совпавшем с рубежом тысячелетий. Его отец работал на железной дороге, как говорит В.А. Топчий, "каким-то большим начальником: у него было звание полковника", по тем временам очень высокое и почетное. А еще Самуил Рожецкин гордился дружбой с "самим Лазарем Кагановичем". Мать Анатолия — Елизавета Григорьевна — заведовала детским садиком.

В 1937 году отец был арестован и расстрелян. На помощь Лазаря Мои-

сеевича рассчитывать не приходилось: тот не смог спасти, если не ошибаюсь, собственного брата, как и другие "царедворцы" своих жен и ближайших родственников (Сталин умел проверять преданность приближенных, жестоко испытывая верность на прочность)...

...До начала войны Рожецкины жили на Подбельского (Коблевской), 40, кв. 2. А в квартире № 9 проживала семья Вики Топчего. Позднее Анатолий и Виктор учились в одной школе № 47 и даже в одном классе. Они были не только соучениками, но и близкими друзьями. Однако — по порядку.

В 1941 году Рожецкины не смогли эвакуироваться. Мать и двое братьев (старший — Лев) оказались в Доманевке. Школьник Лев Рожецкин оставил пронзительное описание быта лагеря смерти. Его рассказ дополняют воспоминания других людей, сумевших пережить Доманевку (несовершенна человеческая память: среди моих знакомых оказались люди, которые... ничего не могут сказать о Доманевке, это еще более укрепило меня в решении вспомнить тех, кто побывал там).

Об этом лагере смерти рассказывали доктор Израиль Адесман, стенографистка Анна Маргулис, технический редактор В.Я. Рабинович, одесситка Елизавета Пикармер... От них мы узнаем, каким было существование в Доманевке Анатолия, его близких и дальних, знакомых и незнакомых.

Лев писал стихи и песни. "Иногда мне удавалось читать свои стихи моим товарищам по несчастью. Как мне было отраднo, когда сквозь стоны и слезы люди пели мои песни ("Раскинулось небо высоко" и "Нина". — **В. М.**), читали стихи". Рожецкина однажды избили до полусмерти за то, что нашли у него... стихи Пушкина.

Лев вспоминал: "11 января 1942 года маму, меня и маленького брата Анатолия, только что вставшего после тифа, выгнали на Слободку. Был жестокий мороз, снег по колено. Много стариков и детей погибло в самом городе (значит, Рожецкиным повезло. — **В. М.**), на Пересыпи, под завывание пурги. Немцы хохотали и снимали нас фотоаппаратом. Кто мог, дошел до станции Сортировочная. На пути дамба была взорвана. Образовалась целая река. Вымокшие люди замерзали...

По всему перрону валялись подушки, одеяла, пальто, валенки, кастрюли... Замерзшие старики не могут подняться и стонут тихо и жалобно. Матери теряют детей, дети — матерей (и тут Рожецкиным повезло. — **В. М.**)... В Березовке нас ослепляют зарево огня, пламя костров. Я вижу, как, объятые пламенем, мечутся люди. Резкий запах бензина. Это жгут живых людей. Это душегубство совершалось у станции Березовка... Нас погнали умирать в другое место...

Сортировочная, Березовка, Сиротское, Богдановка, Доманевка... Я хочу, чтобы с особенной ясностью запечатлелась каждая буква этих названий. Их забывать нельзя. Здесь уничтожались фашистами невинные люди только за то, что они евреи...

Доманевка — кровавое, черное слово, центр смертей и убийства... Из Одессы вышли тысячи людей, а дошла маленькая кучка... Из барачков не выпускали, грязь по колено, тут же скапливались нечистоты. Трупы лежали, как в морге. Тиф, дизентерия. Гангрена. Смерть... Как я не сошел с ума? Днем и ночью сюда сбегались собаки, пожирали человеческое мясо, грызли кости. Смерд стоял невыносимый. Один из полицейских, лаская пса, говорил: "Ну что, Полкан, наелся жидами?". По одному из подсчетов в Доманевке погибло около 15000 евреев".

Из воспоминаний очевидца: "Разминирование минных полей и поиски мин было обязанностью интернированных евреев, из которых не спасся ни один". И еще: "Баржи, груженные еврейскими женщинами и детьми, через полчаса после выхода в открытое море возвращались пустыми, забирали новые партии, снова уходили и снова возвращались". (Здесь мне невольно вспоминается, что по одной из версий именно так погиб отец великого Святослава Рихтера — Теофил Данилович, правда не от руки фашистов, а еще до их прихода в Одессу.)

Не буду более испытывать моральные силы читателей описанием нечеловеческих испытаний, которым подвергались несчастные. Только скажу, что счастливыми считали тех, кто умер сразу..

Те, кто выжил, старались забыть ужасы, чтобы не сойти с ума. В. Топчий вспоминает, что Анатолий мало рассказывал о пережитом. Он, правда, говорил, что мать семь раз уводили на расстрел, Льва — дважды, но почему-то возвращали. Может быть, в этих действиях был особый садистский замысел? И еще один эпизод. Когда обитателей гетто освободили наши воины, Толя бросился к одному из красноармейцев с криком: "Дядя, я — еврей!". Каждый это может истолковать по-своему. Но то, что это был крик души, несомненно.

Виктор Александрович вспоминает, что Анатолий хорошо учился по всем предметам, а особенно преуспевал в математике. Он хотел поступить в артиллерийское училище, но его не приняли "как сына врага народа". Год Толя только работал в мимансе оперного театра, куда его устроила мать Виктора певица Мария Георгиевна Топчая. Виктор тоже работал в мимансе. Это еще больше сближало юношей. Они почти каждый вечер проводили в театрах, если не в Оперном, то в Русском, в замечательном

театре Красной (а позднее — Советской) Армии, пока тот не перевели во Львов. Они принимали участие в спектаклях гастролировавших в Одессе столичных театров. Особенно запомнились гастроли театра имени Евгения Вахтангова — "Два веронца", "Отверженные", "Много шума из ничего", "Человек с ружьем", в которых играли такие артисты, как Абрикосов старший, молодой тогда Юрий Любимов.

За спектакль платили 10 рублей (после 1961 года это один рубль, но, как шутит Виктор Александрович, "те 10 были посильнее одного нового"), а за участие в репетиции — 50 копеек, однако, "если постараться, можно было и 250 (25) рублей получить за месяц, а это уже подспорье". Молодые радовались подработке, но доминировало, конечно, чувство причастности к искусству.

Анатолий работал также главным режиссером Дома народного творчества. В соавторстве с Н.Г. Полевым писал сценарии для Дней Одессы, а также для колхозных клубов, школьных олимпиад. У него было легкое перо. Как и у Левы. Между прочим, Левины стихи вошли в сборник "Героическая Одесса". Лев закончил филфак ОГУ. Правда, ему, сыну репрессированного, не разрешали посещать занятия на военной кафедре. Он преподавал в школе, писал стихи. Эмигрировал в Израиль, там и умер.

...Ему "виделся памятник" жертвам фашистского ада, который должен быть воздвигнут над одной из ям в лагере смерти. И этому памятнику Лев Рожецкий посвятил стих:

Кто бы ни был ты, остановись,
Приблизься, путник благородный,
К могиле сумрачно-холодной,
На лоне грусти осмотришь,
Объятый гневом и волнением,
Слезой не тумань очей,
Испеленный прах людей
Почти безмолвным поклоненьем.

Нет на свете Толи и Левы, их родителей, но память о них должна жить. "Нужно знать и помнить о таких людях, которые выжили в нечеловеческих условиях и сохранили для человечества свидетельства очевидцев. Для того, чтобы подобное не могло повториться", — говорит Виктор Александрович. И с ним невозможно не согласиться.